

Снился мне сон

...Как оказались мы в этом большом, напоминающем казарму доме с длинными мрачными коридорами и анфиладой комнат, я не помню. Уставшие, измученные, мы долго блуждали в лабиринтах лестниц и коридоров в поисках хоть какого-то пристанища, но коридоры были пугающе пусты, а двери, все, как одна, были кем-то заперты на ключ.

Я знал, что ты устала, и страдал от мысли, что ничем не могу помочь тебе.... Наконец, мы поднялись на самый верх, толкнули низкую тяжелую дверь и очутились в комнатухе под самой крышей с венецианским окном во всю стену и широким, как стол, подоконником. За окном, в сизых предрассветных сумерках, крупными мохнатыми хлопьями валил мокрый снег. Я обнял тебя, и мы долго стояли так, прижавшись друг к другу. В комнате было тепло, покойно и тихо. «Раздевайся», - тихо сказала ты, и сняла пальто, положив его на подоконник. Туда же я бросил свою куртку, шапку и шарф. А ты обвела взглядом комнату, совершенно пустую, но, вместе с тем, чистую и опрятную, и, пожав плечами, сказала: «Придется нам здесь устроиваться.... На подоконнике». Я подхватил тебя на руки, прижал к себе, ощутив невесомость твоего худенького тела, и присел на краешек подоконника. Ты доверчиво устроилась у меня на коленях, прижавшись ко мне, не обращая внимания на то, что юбка вздернулась, обнажив твои детски беспомощные коленки... Я обнимал тебя, повторяя, как заклинание, какие-то бессмысленно-ласковые слова... А ты еще крепче прижималась ко мне, прерывисто и нежно дыша.

Все казалось мне милым и трогательным в тебе: и твой темный, строгого кроя костюм с юбкой чуть выше колен, и черные, как у гимназистки, чулки, и серый учительский свитерок под горло.... Я обнимал тебя с такой силой и страстью, что временами слышал хруст твоих слабых костей, вдыхая исходящий от тебя чистый запах морской воды, лаванды и свежести.

...Ты сидела спиной к окну на белой столешнице подоконника, накинутое на плечи пальтишко то и дело сползало с плеч, и я вновь и вновь укрывал им тебя. Зябко поживаясь, ты улыбалась своей растерянной, ждущей улыбкой. И я осторожно обнимал тебя, боясь обжечь жаром, испепелявшим меня в то мглистое, ненастное утро в этом чужом нам доме с толстыми, дореволюционной кладки, стенами, и вновь склонялся к твоим коленям, и пропадал в мягкой пелене сна, снившегося мне наяву. Да это и была явь – разве можно во сне уловить дрожь, пробегающую по твоему зябнущему телу, уловить едва уловимый запах лаванды, исходящий от твоих рук, прижимающих меня к себе.

И все исчезло, замерло, ушло.... Остались только мы с тобой, осталась радость, долгая и светлая, как жизнь. И, обессиленные радостью, мы лежали потом на широкой лежанке подоконника, подложив под голову мою куртку и укрывшись твоим зимним пальтецом, и смотрели в широкое решетчатое окно, наблюдая, как мельтешат в заоконном мире легкие, как пух, снежинки. И мысли наши были легки и прозрачны, а желания чисты и невесомы.

И я вновь обнимал тебя, тревожась, что ты исчезнешь из моего сна вместе с туманом ранних сумерек, вместе со снегом, мельтешащим за окном, вместе с этим странным, ни на что не похожим домом, приютившим и разлучившим нас. Но до разлуки (до пробуждения среди ночи) было еще далеко. И мы о чем-то говорились, перебивая друг друга, смеялись и вспоминали встречу на вокзале, вспоминали море, холмы и вулканы, вспоминали вино, которое пили в Тамани, недоступных, как сфинксы, таксистов, дорогу туда и дорогу обратно.... И заново переживали все, что было когда-то наяву, а не во сне. И нам казалось, что за окном шумит и вздыхает море, что где-то там, в ночи, сияют огнями застывшие на рейде корабли, порхают в прибрежных кустах светлячки, верещат в камышах у реки горластые южные лягушки...

Я не берусь описывать все, что было в том удивительном сне. Он и сейчас мне снится.... И я чувствую солоноватый привкус твоих губ, чувствую легкие прикосновения твоих рук, слышу твой легкий шелестящий шепот, от которого немеет душа и замирает сердце.